

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОЛЯ РИКЁРА

Поль Рикёр – один из самых значительных философов XX в. Он создал обобщающую философию человеческого бытия. Темы, исследованные Рикёром, связаны друг с другом: Воля – Зло – Символ – Метафора – Повествование – Инаковость – Память. Без его трудов трудно представить современную герменевтику. Его идеи укоренились в нашем мышлении, жизни и в повседневных делах. Нас интересует, по преимуществу, методология изощренной философской интерпретации мыслителя.

Поль Рикёр (1913 – 2005) – один из самых выдающихся философов XX века. Он родился в семье с глубокими протестантскими традициями. Уроки в лицее вел неотомист Р. Дальбьёз, который первым во Франции обратился к исследованию психоанализа З. Фрейда. Благодаря учителю Рикёр занял критическую позицию по отношению к «непосредственности, адекватности, аподиктичности картезианского *cogito* и кантовского «Я мыслю», что позволило философу внести существенный вклад в рефлексивную традицию. В Реннском университете Рикёр увлечен темой взаимоотношения разума и веры. Результатом стала защита степени магистра философии (1934).

Продолжив обучение в Сорбонне, Рикёр вошел в круг мыслителей, объединившихся вокруг Габриэля Марселя. Здесь он знакомится с философией Карла Ясперса и Эдмунда Гуссерля. У Марселя Рикёр перенял подход к философским проблемам, исходящий из живых индивидов. Он приобщается к сократовскому методу. На призыв Сократа «Познай самого себя» Рикёр отвечает: «Я стремлюсь познать самого себя, овладевая смыслом слов всех людей». Предметом философского анализа Рикёр, вслед за Марселем, считает человека, укорененного в жизненном мире, умеющего держать дистанцию» по отношению к собственным бессознательным влечениям и потребностям, то есть хозяина самого себя, иметь собственную тайну. Такой подход позволяет избежать редуционизма и объективизма.

Философию личности, которая проявляет мужество перед лицом неуловимого смысла истории, Рикёр обнаруживает в лице Карла Ясперса. Именно К. Ясперс становится его «молчаливым собеседником», с которым он вступает в полемику в вопросах о

трагическом характере истории и трагическом уделе человека. Такими же «молчаливыми собеседниками» Рикёра становятся впоследствии Альбер Камю и Морис Мерло-Понти. В 1961, после смерти М. Мерло-Понти, к Рикёру перешло руководство «Архивом Гуссерля».

Рикёр ставит перед собой колоссальную задачу: разработать обобщающую концепцию человека XX века. Его позиция близка взглядам «борющегося мышления» Эмманюэля Мунье. Э. Мунье Рикёр считает своим наставником, который научил его связывать слова и дела, духовные устремления с принятием политической позиции. В течение многих лет вместе с Э. Мунье он редактировал левокатолический журнал «Эспри». Интерес к персонализму привел Рикёра к знакомству с русской философией. Рикёр был лично знаком с Николаем Александровичем Бердяевым, слушал его лекции в Париже. Оба считали самым значительным русским философом Федора Михайловича Достоевского.

Чтобы углубить учение о личности Э. Мунье, Рикёр обращается к исследованию языка, деятельности, повествования. Офицер французской армии во время Второй мировой войны, Пьер Рикёр совершенствует свое знание немецкого языка, пишет работу «Карл Ясперс и философия существования», переводит первый том «Идей» Гуссерля на французский язык.

После войны Рикёр занимается преподавательской деятельностью, публикует работы «Габриэль Марсель и Карл Ясперс. Философия таинства и философия парадокса» (1948), «Философия воли» (1950 – 1960), «История и истина» (1955), «Об интерпретации. Очерки о Фрейде» (1965), «Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике» (1969).

Студенческие беспорядки 1968 года во Франции, политические и религиозные убеждения привели к тому, что Рикёр ведет преподавательскую деятельность за рубежом. Он принимает приглашение Чикагского университета, где работает с 1970 по 1992. В круг его интересов входит герменевтика Г.-Г. Гадамера, онтология М. Хайдеггера, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Он публикует работы «Живая метафора» (1975), «Время и рассказ» (1983-1985), «От текста к действию. Очерки по герменевтике-II» (1986), «В школе феноменологии» (1986), «Я-сам как другой» (1990).

В последние годы жизни Рикёр публикует работы «Критика и убежденность» (1995), «Интеллектуальная автобиография» (1995), «Память, история, забвение» (1992).

При разработке обобщающей концепции человека – феноменологической герменевтики – он сохраняет «плюрализм суждений» всех значительных учений современности, одновременно стараясь не впасть в искушение все унифицировать. Для мыслителя важным становится понятие «конфликт интерпретаций», позволяющее сделать упор на диалог различных позиций, а не на различие и расхождение. Многие друзья отмечали у Рикёра способность вступать в диалог с умами, которые значительно отличаются от его собственного. Самому Рикёру такого рода позиция приносила удовлетворение, ибо «заставляла думать». Размышлял философ о многих проблемах этики и психоанализа, феноменологии и герменевтики, истории и истории философии. Идя таким путем, философ в определенной мере сумел преодолеть крайности объективизма и субъективизма, натурализма и антропологизма, сциентизма и антисциентизма, противоречия между которыми завели современную философию в тупик.

Рикёр создает метод, которому он дал название регрессивно-прогрессивного. Этот метод схватывал одновременно три временных измерения: прошлое, настоящее и будущее. При анализе человеческой субъективности этот метод позволял высветить «археологию» субъекта, т. е. его укорененность в бытии, найти доступ к его «телеологии» и к движению в будущее. Из различных конфликтующих точек зрения Рикёр опирается на

единство трех временных измерений: на психоаналитическое истолкование смысла, нацеленное на отыскание его первичных, архаических слоев; на гегелевскую «Феноменологию духа», где смысл находится впереди явления, наполняет его; на смысл Священного, имеющего абсолютное значение для сознания и существования человека.

Рикёр развивает рефлексивную традицию, берущую начало в позиции Декарта и Канта. В центре этой традиции – вопрос о самопонимании субъекта, обладающего волей и способностями к познанию и оценке. Совершенное совпадение Я с самим собой, прозрачность Я для себя должны делать самосознание более фундаментальным знанием, нежели все положительные науки. В таком случае рефлексия – это возвращение субъекта к себе. Но от идеи полного, абсолютного совпадения Я с самим собой Рикёр отказывается.

Гуссерль, благодаря методу редукции, представил сознание как феномен, вносящий в мир значения и смыслы. В феноменологии Гуссерля сознание доминирует над самосознанием. Напротив, для Рикёра интенциональность означает изначальную открытость субъекта миру. Интенциональны восприятие, воображение, воля, понимание ценностей, религиозное сознание.

В докладе 1939 г. «Феноменологическое исследование внимания и его философские связки» Рикёр начинает «соединение» феноменологии и экзистенциализма, сопоставляя феноменологически трактуемое внимание с проблемами истины свободы. Рикёр обнаруживает двойственность человеческого опыта. Будучи восприятием, опыт связан с объектом, но вместе с тем опыт – это активность, поскольку он свойственен свободно ориентирующемуся вниманию. Такой подход позволил Рикёру избежать соблазна объявить какую-либо из способностей человека основополагающей и подавляющей другие.

Рикёр обращается к анализу «жизненного мира» Гуссерля как пласта опыта, предшествующего субъект-объектным отношениям. Эта идея положила начало экзистенциализму, исследовавшему существование человека. Рикёр критикует экзистенциализм за сведение существования лишь к воображе-

нию, эмоциям и переживаниям. Рикёр за анализ способа существования, в котором укоренен субъект. В итоге Рикёр обнаруживает область бессознательного. Рикёр интерпретирует бессознательное как активный и действенный момент человеческой субъективности. Психоанализ Рикёр понимал как своего рода «археологию» субъекта. Такой подход позволил проникать в скрытый мир влечений, недоступный рефлексии. Позднее Рикёр противопоставил «археологии» субъекта «телеологию» субъекта – возвращение бессознательного в русло осознания. В этом проявилась изощренная философская интерпретация. Говоря о наследии Фрейда, Рикёр ставил своей задачей думать «исходя из Фрейда, иными словами, вслед за ним, вместе с ним и против него».

Понятие воли как способности к деятельности занимает важное место в концепции Рикёра. Конституирующая воля рассматривается философом как первоначальный акт сознания. Далее сознание можно исследовать через трансцендирование, открывающее будущее, а можно обратиться к археологии субъекта. Эту область неволевого не принимали в расчет ни классическая психология, ни философия. Но именно волевое дает смысл человеческой деятельности, через волю потребности, делания и привычки человека приобретают подлинный смысл. Область неволевого (бессознательного) отождествляется Рикёром с понятием «жизненного мира», «бытия». «То, что «распоряжается» человеком, приходит к нему, а не исходит из него», – указывает философ.

При анализе сознания вперед Рикёр использует «прогрессивный метод». В таком случае сознание извлекается из самого себя, устремляется вперед к смыслу, источник которого находится впереди субъекта. Такой подход противоположен фрейдовскому методу. В гегелевской феноменологии «истина каждого образа проясняется в образах, следующих за ним». Рикёр синтезирует оба метода – фрейдовский и гегелевский. В этом синтезе он видит залог подлинной интерпретации. Разнонаправленные интерпретации человеческого сознания объединяются Рикёром через эсхатологию. На место гегелевского абсолютного знания Рикёр ставит Священное.

Выделенные Рикёром методологии – археология, телеология и эсхатология и соответствующие им дисциплины – психоанализ, феноменология духа и феноменология религии – представляют собой различные способы интерпретации. При всем их различии каждая из них движется в направлении онтологических корней понимания. Каждая из них имеет право на существование, если только дополняется другими и взаимодействует с ними. Задача философской герменевтики, по Рикёру, состоит в том, чтобы соединить эти расходящиеся в разные стороны интерпретации и стать экзегезой всех значений, существующих в мире культуры.

Если в «Бытии и времени» М. Хайдеггер на место эпистемологии интерпретации поставил онтологию понимания, то свою задачу Рикёр видит в исследовании того, «что происходит с эпистемологией интерпретации, вытекающей из рефлексии об истолковании, об историческом методе, психоанализе, феноменологии религии и т. д., когда она соприкасается с онтологией понимания» [1].

Поскольку человек изначально пребывает в мире и неустранимо причастен к нему, он может противопоставлять себе объекты, которые он интеллектуально конституирует, подчиняя своей воле. Понимание возникает как реакция существа, брошенного в мир, которое для ориентации в мире использует самые существенные свои способности. Прояснением и развитием такого онтологического понимания выступает интерпретация. В таком случае самопонимание Я опосредуется знаками, символами и текстами. Субъект познает себя не непосредственно, а через те знаки, которые поставляет ему культура.

Знаки свидетельствуют об изначальной предрасположенности человека к проговариванию всякого переживания. Символы умножают смыслы явлений и расширяют их истолкование. Тексты являются предметом зрелой герменевтики и порождают «предмет текста».

Под герменевтикой П. Рикёр понимает теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текста. Понимание рассматривается им как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение. Пе-

реход от понимания к интерпретации предопределен тем, что знаки имеют материальную основу, моделью которой является письменность. Любой документ или памятник могут быть письменно зафиксированы и зовут к интерпретации.

Основной характеристикой человеческого феномена Рикёр считает символическую функцию. Редукция определяется им как условие символической функции. При таком подходе редукция становится «трансцендентальным» языка, возможностью человека быть чем-то иным, нежели природным существом, соотносясь с реальностью при помощи знаков. Символ зовет к интерпретации и к говорению. Именно в этом моменте Рикёр видит поворот философии к субъекту, понимаемому как начало «означающей» жизни, зарождение бытия, говорящего о мире и общающегося с другими субъектами.

Углубленное исследование проблематики символа приводит Рикёра к метафоре. Метафорические выражения, перемещающие анализ из сферы слова в сферу фразы, дают Рикёру возможность вплотную подойти к проблеме инновации. Метафора рождается из конфликта, который возникает в результате соединения слов в фразе. Когда язык пользуется метафорой, то буквальная смысловая отступает перед метафорическим смыслом, но вместе с тем усиливается соотнесенность слова с реальностью и углубляется эвристическая деятельность субъекта. Именно в метафорическом выражении Рикёр обнаруживает осуществление человеческой способности к творчеству.

В центре герменевтики Рикёра человек как субъект культурно-исторического творчества, в котором и благодаря которому создается история и осуществляется связь времен. «Человек сам выводит себя на сцену, он сам себя полагает в качестве сцены», – утверждает П. Рикёр. Личность – это не отдельная от истории и памяти проблема, личность – это центральное понятие. Личность в истории – это вопрос нахождения себя по отношению к другим и по отношению к прошлому, и с этим связано то, как человек проектирует себя в будущее. Тут появляется диалектика между коллективной памятью и будущим человека. Личность находится в

центре между проектом и памятью. Рикёр преобразует регрессивно-прогрессивный метод в метод исторической эпистемологии, основанный на диалектическом понимании времени.

В истории герменевтики Рикёра привлекает мысль Августина о времени как состоянии души. В трехтомном труде «Время и повествование» Рикёр разбирает различные теории времени (Аристотеля, Августина, Гуссерля и Хайдеггера). Путь исследования ведет его от исторического и литературного повествования (через великие романы о времени Т. Манна, М. Пруста, В. Вульф) к «нарративному времени».

В «Поэтике» Аристотеля Рикёр находит модель повествовательного произведения. Такой моделью является интрига, понимаемая как «несогласное согласие», укладывающее многочисленные факты реальной человеческой жизни в виде умопостигаемой истории со своей внутренней логикой. В статье «Что меня занимает последние 30 лет» Рикёр отмечает, что плодотворность понятия интрига задает черту – её интеллигибельность. Интрига – это совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю или соответственно история извлекается из событий. Интрига – посредник между событием и историей. Это означает, что все, что не входит в развитие какой-нибудь истории, не есть событие. Событие – не просто случившееся, произошедшее, но и повествовательный компонент. Интрига создает композицию обстоятельств, целей и средств, инициатив и невольных следствий. Из этого интеллигибельного характера интриги вытекает, что умение проследить историю представляет собой весьма развитую форму понимания.

В жизни художественного произведения Рикёр выделяет три этапа, каждый из которых он обозначает словом «мимесис». Задача герменевтического анализа литературного произведения, по Рикёру, состоит в том, чтобы реконструировать целостность операций, «с помощью которых произведение пробивается к непроницаемым глубинам жизни, действия и страдания, чтобы автор мог затем передать его читателю, воспринимающему его и благодаря этому изменяющему свою деятельность» [2].

Мимесис I отсылает к понятиям жизненного мира и предпонимания. Зарождение фабулы повествования обусловлено словесно и первоначально не оформленными жизненными ситуациями, где действуют различные субъекты, а их действия на первый взгляд не обусловлены причинно-следственными отношениями. Автор должен обладать компетентностью, то есть исходить не из умозрительной концепции, а из самой жизни, чтобы схватить целостность описываемых явлений. Поэтическая композиция должна быть укоренена в предпонимании мира действия. Непременным условием человеческого опыта должно выступать «проговаривание», т. е. словесное выражение жизненных ситуаций.

Мимесис II – это собственно художественное произведение, мир поэтической композиции. В этом процессе последовательность событий посредством текстовой конфигурации должна совпадать с трансформацией в восприятии произведения.

Мимесис III – это акт восприятия художественного произведения, межличностных коммуникаций, осуществляемых с помощью произведения искусства. Одновременно это и актуализация творческого замысла художника, выявление духовных ценностей и идеалов, заключенных в тексте, и введение через последующую деятельность индивидов в контекст общественного бытия. Текст избыточен к своей структуре и ждет своего прочтения. Текст избыточен по отношению к миру повседневности, миру обыденной практики, практики существования. Рикёр указывает, что избыточность текста – это важнейшая черта горизонта ожидания: именно здесь формируется новое восприятие, новый опыт, высвечивающий несовпадение между воображаемым миром и привычной реальностью.

Мир читателя – это мир его надежд, чаяний, устремлений. В акте чтения ожидания автора и надежды читателя переплетаются: осуществляется акт интересубъективного общения. Понимание текста – непростая задача. Она требует духовных усилий читателя, стимулированный текстом. В сознании читателя осуществляется работа со смыслом и временем: текст погружается в память читателя и зовет к продуктивному воображению.

В итоге целью интерпретации текста является создание такого проекта мира, в ко-

тором читатель мог бы осуществить свои сокровенные возможности. Рефигурация есть деятельность читателя в мире. Читатель подвергает рефигурации и собственное Я. В процессе активного понимания текста перед читателем высвечиваются новые перспективы в его отношении к истории, обществу, собственному бытию, к возможностям своего мышления. Завершение художественного произведения приводит к созданию новой жизненной позиции, к новому самопониманию читателя и к последующей деятельности, в которой и реализуется произведение. Художественное произведение возвращается в жизнь, вписывает поэтическую деятельность в мир повседневного опыта. Возвращается произведение в точку, смещенную благодаря деятельности читателя.

В плане повествовательности Рикёр осмысливает философское понимание субъекта. Автономность и творческая сущность человека рассматриваются им как «повествовательная идентичность». Такая позиция позволяет Рикёру избежать положения, что субъект всегда идентичен самому себе, либо считать самоидентичного субъекта субстанциалистской иллюзией. «Повествовательная идентичность» основана на временной структуре, которую содержит в себе поэтика повествовательного текста.

Субъект, по Рикёру, должен составить повествование-для-другого. Рикёр расходится с анализом времени и историчности Хайдеггера. У Хайдеггера время есть черта человеческой конечности, направленности человеческого бытия к смерти, а потому его характеризует внутренняя закрытость и монологичность. У Рикёра ожидание открыто будущему и включено в практику всего человеческого общества. «Бытие-в-мире» Хайдеггера Рикёр интерпретирует как человеческое действие.

Согласно Рикёру, человека как такового определяют четыре существенные черты. Способность вступать в общение посредством языка: «Я могу говорить». Способность участвовать в ходе событий посредством действий, прокладывая свой путь в окружающем мире. Умение повествовать о своей жизни и тем самым формировать свою идентичность, основанную на воспоминаниях: «Я могу рассказать о себе». Четвертая

способность – способность быть субъектом собственных действий. Человек осознает, что является субъектом деятельности, за которую несет ответственность, и это делает его существом, которому можно что-либо вменить в вину.

Герменевтику человеческого Я Рикёр развивает в работе «Я как другой». Картезианскому поиску достоверности противопоставляется «инаковость» Я как «инаковость» тела, другого и совести. Возникающую при этом этику Рикёр ориентирует на баланс справедливости, в противоположность «этике другого» Э. Лавинаса.

Особой темой размышлений Рикёра была христианская философия религии. Он исследовал методы понимания текстов Нового Завета. По мнению Рикёра, в современной религии произошло сужение, излишняя фокусировка на темах вины и зла. Однако каким бы могущественным ни было зло, оно не так глубоко, как добро. И если есть какой бы то ни было смысл в религиях, то он состоит в том, чтобы пробиться к доброму сердцу людей. Нас захлестывает поток слов, штурмует виртуальность, создающие своего рода закопченное стекло между нами и миром. Но добро глубже самого глубокого зла. Философии нужно признать за этой истиной право на существование и создать язык, на котором люди могли бы ее выразить. Возвышение философии над религией привело к тому, что проблема греха вытеснена на второй план проблемой смысла – его наличия или отсутствия, абсурда. Мы наследники цивилизации, которая в действительности убила Бога, другими словами – позволила абсурдности и отсутствию смысла восторжествовать над осмысленностью. Поэтому отношение к добру – это не только ответ злу, но также ответ бессмысленности.

Разрабатывая тему символики зла, Рикёр обратился к герменевтике. Поскольку зло может быть постигнуто лишь в символах и мифах, оно заставляет искать окольных путей истолкования. Результатом его исследований стала большая работа «Об интерпретации» и другие герменевтические труды, принесшие мыслителю всемирную известность.

При разрыве философии с наукой она превратится в «музей понятий». Сравнивая

повествовательное понимание, свойственное художнику, и объяснение, характерное для ученого, Рикёр утверждает, что понимание без объяснения слепо, а объяснение без понимания пусто. «Чем больше объяснено, тем лучше рассказано», – утверждает Рикёр. Для Рикера понимание и объяснение являются моментами сложного процесса, который носит название интерпретации. Познавательный процесс включает в себя оба метода – объясняющий и понимающий. Объяснение только методично, а понимание – не методично. Понимание предшествует объяснению. Объяснение аналитически развивает понимание. Понимание стимулирует развитие объяснения, именно понимание свидетельствует о нашей принадлежности бытию. Понимание не останавливается на достигнутом, а вторгается в сферы ещё не познанного. Взаимопонимание людей является основой их совместного бытия.

Такого рода выводы приводят автора к проблемам этики и ответственности в политике. Этика начинается с элементарного стремления к сохранению жизни и заканчивается желаниями и удовольствиями. Этика связана с моралью, а мораль не освобождает от императивности, «долженствования». Политика должна научиться говорить на языке морали, в противном случае она превращается в политический цинизм, смертельно опасный для человечества. «Зло как такое – это ложь, которую несут в себе скороспелые синтезы, насильственная тотализация», – таков вывод Рикёра. Поскольку в деятельности современного человека появились новые аспекты, в частности, возросшие возможности влияния на генетический код, равномерности экономического развития во всемирном масштабе, то обращение человечества к этике стало более настоятельным.

Философ с уважением относится к понятию «счастье». Формула счастья следующая: «блаженны», т. е. «счастливы те, кто...». Блаженства показывают нам, как выглядит счастье существования под знаком доброты сердца, поскольку счастье – это не только то, чего у меня нет и что я надеюсь получить, но также и то, что я уже испытал. Я признаю счастье своим, говорит Рикёр, я подтверждаю его в других; и я признателен за счастье, которое когда-либо испытал. Счастье при-

нимает разные формы в нашей жизни. По отношению к прекрасному пейзажу передо мной счастье – это восхищение. Признание других – это хвала. Третий образ счастья обращен в будущее, это ожидание: я ещё жду чего-то от жизни. Счастье стремления дополняет счастье восхищения и счастье хвалы.

В произведении «Память, история, забвение» (2000), посвященном памяти недавно скончавшейся жены, Рикёр обстоятельно анализирует вопрос о прощении. Этот вопрос, по мнению Рикёра, является эсхатологическим горизонтом всей проблематики памяти, истории и забвения. Прощение непременно связано с виновностью и наказанием. Нельзя простить чудовищных преступлений, совершенных в XX веке. Но следует суметь выйти за рамки оскорбленной памяти и сделать прощение основополагающей политической категорией. Рикёр приветствовал поступок Вацлава Гавела, принесшего свои извинения немецкому народу за высылку трех миллионов немцев в 1945 году. А также поступок Вилли Брандта, преклонившего колени перед памятником участников восстания еврейского гетто в Варшаве.

Что же может философия политики? Содействовать повышению уровня общественных дискуссий, нести ответственность за качество аргументации и точность политического языка, сама философия должна быть образцом толерантности, свободы слова, плюрализма мнений. По мнению Поля Рикёра, эпохальный переворот в истории мысли связан с новым искусством критиковать мифы и подозревать истины и ценности людей в том, что они скрывают своими величавыми фасадами нечто неблагообразное. Трое больших умов начали эту традицию «интеллектуальной недоверчивости»: Маркс, Ницше и Фрейд. Ницше оказался самым радикальным и решительным из всех. Поскольку Ницше не позволял себе ни компрометирующих связей с недоказанными экономичес-

кими допущениями, как Маркс, ни с недоказуемыми психологическими гипотезами, как Фрейд, а прямо вычитывал проблему хаоса, случая, доминанции и власти в онтологических аспектах реальности, то его мысль в наименьшей степени померкла со временем.

Полю Рикёру читал лекции в университетах Франции, США, Швейцарии, Бельгии. Он неоднократно бывал в России, являлся членом Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», участвовал во Всемирном философском конгрессе (1993), читал лекции в Институте философии РАН, Французском университетском колледже в Москве. В ходе лекции на Украине в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» в 2001 году Рикёр высказал мысль о том, что приходит на смену цивилизации, когда утрачивается взаимопонимание людей: «Культура не защищает от варварства. Самые большие варвары нередко были возвращены очень высокими культурами». Опасность, по мнению философа, не в глобализации или интеграции, а в идеологии перемешивания уровней интеграции и превращения проблемы о национальной идентичности в «вопрос страсти». Нужно ясно представлять себе, что разные проблемы решаются с разной скоростью. Следует учитывать, что многие еще не справились с шоком, вызванным, по словам философа, «разгулом насилия на протяжении ужасного XX века».

Согласимся с мыслью Поля Рикёра: «Становиться взрослым трудно». Взросление происходит в терпеливых и размеренных действиях коллективов людей, когда возникает радостное служение, послушание в любви, которое полностью противоположно подчинению и блужданию без цели. «Беспрекословному подчинению приказам» и принуждению философ противопоставлял дружеский призыв, призыв пробиться к доброму сердцу через взаимопонимание.

Список использованной литературы:

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Изд-во «МЕДИУМ», 1995. С. 9.
2. Рикёр П. Время и рассказ. М.: Университетская книга, 1998. С. 66.